

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

БИБЛИОТЕКА
Магілёўскага
дзяржаўнага
універсітэта
імя А. А. Куляшова

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

Для начальной школы

Ответств. редактор *К. Пискунов*. Худож. редактор *П. Суворов*. Обложка художника *А. Ермолаева*. Технич. редактор *И. Семинская*. Корректоры *А. Сапежкина* и *Е. Рабинер*. Слово в производство 19 V 1939 г. Подписано к печати 16/VI 1939 г. Детиздат № 2212 Индекс Д-8. Формат 84×106¹/₂. 2 печ. л. (1,31 уч.-авт. л.). 1¹/₂ бум. л. 104193 зн. в бум л. Тираж 274 000. Уполномоч. Главлита А-10264. Заказ № 5 2.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

В 1236 году, весной, с верховьев Иртыша и склонов западного Алтая двинулись войска монголов. Их кони имели в изобилии подножный корм и воду. Но кочевникам этого было мало. Они срубали вековые деревья, кормили листвою коней, а корою — баранов и оставляли позади себя пустыню, где уже более не росла трава.

Десятки тысяч семейств гнали с собой стада, тащили военные орудия.

Их вел внук Чингис-хана, сын старшего его сына, Батый.

Монголы покоряли на своем пути племена и народы и сколачивали из них новые боевые отряды.

Орды кочевников шли покорять Европу. За тринадцать лет перед этим им удалось дойти до Днепра, выиграв битву на Калке. Монголы впервые столкнулись тогда с русским народом. Они поняли, что народ этот храбр и опасен в бою, но постоянно страдает от междоусобий. Они шли завоевывать Русь, зная, что ее отдельные богатые и сильные княжества разрознены и не могут противостоять сплоченному врагу.

Вооружение монгольских орд состояло из

Чингис-хан.
(С китайского портрета.)

кривых сабель, луков, стрел, секир и пик с крючьями для стаскивания с седел неприятельских всадников. Каждый воин имел при себе пилку для затачивания стрел (острия их, кроме того, закалялись в огне и затем заливались водой с солью), имел также иголки, нитки и сито для процеживания мутной воды.

Воинам отборных отрядов выдавались кожаные либо железные шлемы и щиты из вареной кожи буй-

волов. При осаде городов монголы надевали на себя кожаные будочки и подходили в них к самым крепостным стенам, неуязвимые для неприятельских стрел.

Монголы, или, как правильнее их называть, монголо-татары¹, применяли «порóки»: так назывались на Руси стенобитные машины и баллисты — пращи для метания камней. В армии монголов было вдоволь глиняных бомб с налитой в них нефтью, чугунных горшков, начиненных порохом, и «огненных копий», то есть зажигательных ракет. Они умели устраивать

¹ Русские стали называть их просто «татарами».

наводнения, вести подземные ходы и подкопы, разрушали стены городов, разбивая их каменными глыбами, и заваливали рвы мешками с землею при помощи метательных машин.

Воины были разделены на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. В войске поддерживалась строжайшая дисциплина: за неисполнение приказа или бегство от врага грозила смертная казнь.

Монгольские войска не возили с собой фуража, и кони их обычно питались только травой. Отсюда возникла легенда, что монголо-татары кормят лошадей целого отряда одним мешком ячменя.

Все завоевания этого народа совершались главным образом конницей. В конном строю орда проходила бескрайние степи. Несметные конские табуны следовали за нею в тучах пыли, ибо каждый воин имел в походе до пяти и более запасных коней.

Конница была разделена на легкую и тяжелую. Первая начинала битву метанием стрел и дротиков, вторая не занималась перестрелкой, а действовала лавой и наносила главный удар.

Армия монголо-татар имела правильный

Субэцэ, полководец Чингис-хана.
(С. китайского портрета.)

строй: в сражение вступало несколько линий, вводимых в бой постепенно; в самом конце битвы бросались на врага свежие резервы.

Приступая к осаде города, монголы окружали его частоколом; это служило защитой от вылазок осажденных, от их стрел и камней.

Монголо-татарские воины были искусными стрелками из лука: на полном скаку они поражали врага без промаха и одинаково ловко спускали тетиву правой и левой рукой.

Они строили пирамидальные башни, иногда достигавшие высоты шестидесяти метров, и, взбираясь на них, наблюдали за жителями осажденных городов.

При переходе горных ущелий они делали мосты из связанных железных копий.

Когда войскам приходилось передвигаться ночью, это совершалось в полном безмолвии: воины держали во рту тряпичные кляпы, и особые узды надевались на коней, чтобы они не могли ржать.

Целые тучи стрел посылали монголы на врага, стремясь не давать ему передышки. Трупы убитых татарами людей были так утыканы стрелами, что видом своим напоминали ежей.

Монголы были хитры, ловки, изобретательны. Жестокостью и коварством они приводили в трепет встречавшиеся им на пути народы.

«Если осажденный город не сдастся прежде того, как начнут метать стрелы и камни, то по взятии вырубить оный», так учили монгольские ханы, и правило это свято исполняли их войска.

**

Часть Батыевых сил двинулась к Средней Волге, победила мордву и сожгла главный го-

род Булгарского царства близ устья Камы. Остальная орда, пройдя Половецкую степь, разбив половцев и сделав набег на Чернигов, осталась кочевать на притоках Дона, у рубежа Рязанской земли.

Батый решил напасть на северо-восточную Русь зимой, когда деревья уже сронили лист и в лесу легче избежать засады, когда болота и топи замерзают, а снег заносит крепостные рвы, облегчая взятие городов.

И вот легла зима. Пришли по санному пути к рязанским князьям Юрию и Олегу татарские послы и сказали:

— Дайте нам десятину (десятую часть) от всего, что имеете: от людей, оружия и коней.

А коней потребовали разных: белых, вороных, рыжих и пегих, потому что отряды татарской конницы различались по цвету мастей.

Рязанские князья выехали навстречу вражеской рати и отвечали:

— Когда нас всех не будет в живых, тогда все ваше будет.

После этого орда хлынула потопом на Рязанскую землю — «в бесчисленном множестве, как саранча».

Напрасно Юрий Рязанский просил Юрия Владимирского: «Или сам бы пришел, или воинов своих прислал», — князь не сделал ни того, ни другого. Не помогли и северские и черниговские князья, не простившие рязанцам их отказа участвовать в битве на Калке. Не поддержанное никем, мужественное рязанское ополчение было разбито, и татары в декабре осадили Рязань. Этот город находился в тридцати двух километрах по Оке от Рязани нынешней, называвшейся тогда Переяславлем Рязанским. Это была Старая Рязань.

Монголо-татарские кибитки.
(Из книги «История монголов» Плато Карпини.)

Татары подступили к ней со стенобитными машинами, осадными лестницами и целыми отрядами метателей огня.

Горожане отчаянно защищались, но на шестой день осады враг разбил деревянные стены таранами и сквозь дым и пламя ворвался в город. Тысячи мужчин, женщин и детей были убиты. Одних рассекали мечами, других для забавы расстреливали из луков, третьих связывали и бросали в огонь.

Когда весь город был обращен в пепел и на пожарище не осталось «ни стонущего, ни плачущего», орда ушла дальше, за Оку.

ЛЕГЕНДА О КОЛОВРАТЕ

По преданию, в это самое время приехал в свой родной разоренный город рязанский боярин Евпатий Коловрат.

Сердце его сжалось при виде чудовищного разгрома. Быстро собрал он в окрестностях города тысячу семьсот человек и с небольшой этой дружиной бросился догонять орду.

Русские настигли татар в Суздальской земле, внезапно налетели на них и начали сечь без милости. Они рубили их так, что мечи рязанские тупились. Тогда дружинники хватали мечи татарские и поражали ими врагов.

Старинная «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит, что татары стояли, как пьяные; им казалось — это рязанские мертвецы восстали. С трудом смогли они захватить пять смельчаков, изнемогших от ран.

Их привели к Батюю, и он спросил:

— Кто вы?

— Мы слуги князя Рязанского, — ответили пленные, — а воины Евпатиева полка. Нам велено проводить тебя с честью, как русские обычно провожают от себя чужеземцев: стрелами и копьями.

Тогда Батый послал шурина своего, Таврула, с сильным отрядом, чтобы уничтожить горсть храбрецов.

Предание говорит, что Таврул и Евпатий съехались один-на-один, но Коловрат, «исполин силою», рассек противника надвое «до седла».

Татары ничего не

Батый.
(С китайского портрета.)

могли сделать с отважной дружиной. Только окружив ее и поставив на сани до ста метательных орудий, засыпав рязанцев камнями и стрелами, удалось им убить Коловрата и почти всех его людей.

Тогда собрались татарские мурзы во главе с Батыем и, оглядывая раненых пленников, стали говорить:

— Мы со многими царями во многих странах сражались, а таких удалцов не видали. Это люди крылатые и бессмертные — так крепко и мужественно они бьются: один — с тысячею, а два — с тьмою¹.

А Батый сказал:

— О Евпатий Коловрат, здорово ты со своею малою дружиной меня пощипал, многих богатырей моих побил, и множество воинства моего от твоей руки пало! Если бы такой, как ты, у меня служил, держал бы я его у самого своего сердца.

И приказал выдать его тело израненным пленным рязанцам и отпустить их, не причиняя им никакого вреда...

Из Рязанской земли Батый двинулся на Владимир, но не прямым путем, а через Коломну и Москву.

Под Коломной он разбил владимирскую рать под начальством Всеволода, сына Юрия, а разорив Москву, взял в плен другого его сына — Владимира. Отступать к Москве Юрий больше не мог — этот путь был отрезан. Князь ушел за Волгу собирать войско. А тем временем пали Владимир и Суздаль, и все Владимирское княжество оказалось во власти татар.

«Солнце погибло по всей земле!» горестно

¹ Тьма — по древнерусскому счету — десять тысяч.

воскликали тогда русские летописцы. А народ слагал замечательные по глубине чувства и поэтичности «плачи» о страданиях и бедах родной земли.

В одном из них говорится о князе Юрии, оплакивающим разорение русских княжеств и смерть сыновей.

«Солнце мое дорогое, месяц мой прекрасный, зачем так рано зашли? — жалуется князь. — Где честь и слава ваши? Над многими землями были вы господами, а ныне лежите на земле опустошенной... От страны к стране, от дубравы к дубраве — все плачете со мною... Столько погибло князей и великих храбрых удальцов!..»

Погиб и сам Юрий Всеволодович, князь Владимирский, не пожелавший пойти против татар вместе с Рязанью. Собрав за Волгой войско, он встретился с ордой на берегах реки Сити, был разбит и сложил голову в неравном бою...

ТАТАРСКОЕ ИГО

Народ героически сопротивлялся нашествию. Но разрозненные русские княжества не могли сдержать лавины татарских полчищ и к 1242 году были покорены.

На Нижней Волге Батый основал столицу татарского ханства. В его состав вошли: Булгарские земли, часть Средней Азии, Северный Кавказ, Таврида и огромное пространство Половецкой степи, то есть земли между Днепром, Доном и Волгой. Ханство это стало известным под именем Золотой Орды.

Русские княжества попали в зависимость от золотоордынских ханов и должны были пла-

тить им дань. Она была сущим разорением для народа. А татары еще обложили особыми пошлинами рабочий скот, пашни, мосты, реки и озера — все, что могло принести доход. Было обложено все мужское население. Во времена Батыея «каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, давал дань».

Первоначально ее собирали татарские сборщики — «баскаки» и «бесермены». Они отвозили в Орду определенную сумму, а все, что выжимали из народа сверх этого, брали себе.

У каждого, кто имел трех сыновей, отнимали одного. Татары составляли из покоренного населения военные отряды; уводили в Золотую Орду ремесленников и принуждали их там работать; некоторых переселяли в Среднюю Азию, Монголию и Китай.

Народ не раз восставал против своих угнетателей.

В 1262 году, не стерпя «лютого томления бесерменского», жители Суздаля, Ростова, Владимира, Ярославля и Переяславля ударили в вечевые колокола и выгнали «бесерменов» из городов.

В 1289 году народ вторично выгнал татар из Ростова.

В 1327 году восстала против монголо-татарского гнета Тверь.

Ордынский посол Чол-хан, которого русские летописи и былины называют Шевканом и Щелканом, притеснял и грабил тверитян.

Брал он...

С князей... по сту рублей,

С бояр по пятидесяти,

С крестьян по пяти рублей;

У которого денег нет,

У того дитя возьмет;

У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

От посла не отставала его свита. Жители Твери страдали от унижений и насилий. Они несколько раз жаловались своему князю, но тот не мог и не смел их оборонить.

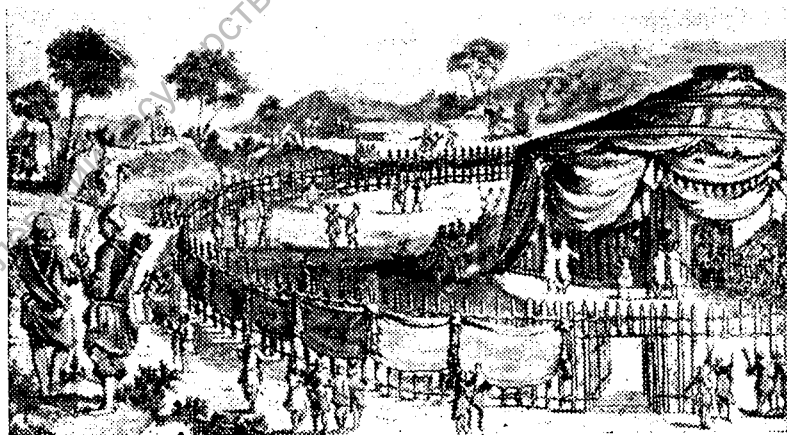
Тогда народ сам расправился с грабителями. Поводом к этому послужил очередной грабёж.

Ранним осенним утром местный дьякон поил на Волге кобылу. Татары начали отнимать лошадь. Дьякон закричал:

— Тверитяне, не выдайте!

Сбежались горожане и стали избивать татар.

Загудели колокола тверских звонниц, и восстал весь город. Был убит Чол-хан и все бывшие с ним в Твери татары. Уцелели только татарские пастухи, пасшие в поле коней...

Шатер монгольского хана.
(Из книги «История монголов» Плано Карпини.)

Народ выносил на своих плечах всю тяжесть монголо-татарского ига. Он жестоко страдал от сборов дани и от набегов карательных отрядов.

Так же обернулось дело и в этот раз.

Московский князь Иван Калита в союзе с Ордой пошел на восставший город. Он разорил тверские земли, и татары увели множество тверитян в плен.

Народ восставал против иноземных завоевателей. Но все его попытки были жестоко подавляемы: татарские ханы пользовались разрозненностью Русской земли.

Немало русских князей сложило в Орде свои головы. Отправляясь туда на поклон к хану, князья прощались с жизнью, писали духовные завещания. Вынужден был ездить в Орду, в далекое Забайкалье, и победитель шведов и ливонских рыцарей Александр Невский. Только ездил он туда не кланяться, а для переговоров; мужество этого князя было настолько хорошо известно татарам, что они именем его пугали своих детей.

Но время шло. Московские князья Иван Калита и его сын Семен добились от золотоордынских ханов признания своего старшинства над прочими князьями и получили право собирать для Орды дань со всех русских земель.

Она стала называться «в ы х о д о м», потому что, получив ее, татары в ы х о д и л и из русских владений, то есть соглашались не разорять их.

Часть собранной дани князья сами отвозили в Орду, а часть тайно удерживали. На эти деньги они вооружались, строились и расширяли свои владения приобретением целых областей, городов и сел.

Московские князья «собирали» отдельные

княжества в единое государство. Иногда они силой подчиняли их, не останавливаясь ни перед чем для достижения своей цели.

Но так совершалось великое дело: разрозненные земли объединялись, Москва возвышалась и крепла. Русский народ накапливал силы, чтобы сбросить ханское ярмо.

МАМАЙ ИДЕТ НА РУСЬ

Внук Ивана Калиты, московский князь Дмитрий Иванович, продолжал расширять и укреплять Московское государство, успешно борясь со всеми соперниками Москвы.

Одержав ряд побед — над Тверью, Рязанью, Новгородом и Литвою, — он решил наконец выступить и против угнетателей Руси, золотоордынских ханов. Время для этого настало. Пора междоусобных княжеских войн близилась к концу.

Уже многие русские князья были обязаны помогать московскому князю в борьбе с татарами. «Биться нам против них заодно», так договаривались московский и тверской князья между собою. А тем временем, пока Русь все более крепла, Золотая Орда ослабевала из-за постоянной борьбы ханов за власть.

В шестидесятых годах XIV века большую силу в Орде приобрел военачальник Мамай. Он командовал десятитысячным войском («тьмою»), и потому на Руси его называли «темником». Он ставил и свергал ханов по своему усмотрению и от их имени управлял Ордой.

Мамай сумел усилить ее. Но это не остановило московского князя. В союзе с тестем своим,

Пайца — серебряная дощечка, выдававшаяся ханами монгольским чиновникам в удостоверение их власти. На таких металлических, а иногда и деревянных дощечках было написано: «Кто не послушает ханского повеления, пусть будет убит».

Дмитрием Нижегородским, он совершил несколько походов в подвластное татарам Поволжье. В 1376 году московская и нижегородская конница под начальством выходца с Волыни, воеводы Боброка, двинулась на Великий Булгар.

Город этот был одною из столиц золотоордынского государства. Нападать на Булгар было все равно, что на Золотую Орду.

Булгарское войско вступило в бой верхом на верблюдах, с целью испугать этим русских коней. Но верблюды были загнаны в город, и русские овладели Булгаром. Жители его должны были просить мира, и московский князь наложил на них дань.

Тогда Мамай понял, что Москва перешла в наступление. Он решил положить ему предел в самом начале и послал два войска на северо-восточную Русь.

Одно из них разорило и сожгло Нижний Новгород; другое, более сильное, под начальством мурзы Бегича двинулось на Москву.

Дмитрий опередил эту рать и встретил ее в Рязанской земле, на берегах притока Оки —

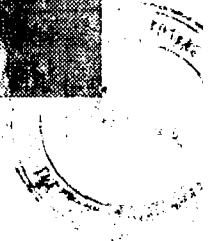
26825

Московский Кремль в XIV веке. (С рисунка Ал. Васнецова.)

Мулещова

БИБЛИОТЕКА
Н. ТАГНИНЬСКОГО
...СКОГО ИНСТИТУТА

реки Вожи. Здесь 11 августа 1378 года татары были разбиты и бежали в степи, побросав множество своих кибиток и телег.

Союзные силы князей одержали над своим заклятым врагом первую большую победу. Так началось решительное сопротивление русского народа власти Золотой Орды.

Но Мамай не забыл поражения своей рати. Он созвал своих воевод и летом 1380 года двинулся на Русь со всею ордой.

Перед началом похода он разослал приказ по золотоордынским владениям — улусам: «Пусть никто не смеет сеять хлеб, готовьтесь на хлебá в Русской земле».

Он собрал огромные татарские и половецкие силы; нанял отряды хорезмийцев, черкесов, живших на Средней Волге буртасов и генуэзцев, обитавших в Крыму.

Затем, заключив союз с литовским великим князем Ягайло и князем Олегом Рязанским, он прикочевал с ордой к устью реки Воронежа, то есть к границам Рязанской земли.

Тогда Дмитрий разослал грамоты ко всем русским князьям, призывая их итти к нему на помощь со своими дружинами. И вскоре начали собираться в Москву ратные люди под начальством многих тяготевших к Москве князей. Раньше всех явился двоюродный брат Дмитрия — Владимир Андреевич Серпуховский. Затем прибыли князья Белозерские; пришли удельные Ярославские, Ростовские и Устюжские князья.

Однако не явились ни смольняне, ни новгородцы. Не прислали помощи ни Тверь, ни Нижний Новгород. Москва должна была защищать Русскую землю только теми силами, которые она успела объединить.

Между тем от Мамаея прибыли послы и потребовали дани, какую Русь платила ханам прежде. Тогда собрался совет бояр и прибывших в Москву князей. Чтобы выиграть время, решили отпустить послов с дарами и послать хану мирный договор, а тем временем спешно готовиться к обороне. Но вслед за тем стало известно, что Мамай хитрит и готовит удар на Москву, как только встретится с Ягайло и Олегом.

Тогда было решено идти навстречу татарам в самые степи и предупредить соединение вражеских сил.

НАВСТРЕЧУ ОРДЕ

20 августа 1380 года русское войско выступило в поход.

Вся Москва провожала уходящих воинов.

Тихий теплый ветер колыхал стяги. Всюду, куда только доставал глаз, виднелись шлемы с остроконечными верхушками; блистали кольчужные брони, заморские прямые мечи и кривые хорасанские сабли; мелькали копья, секиры, луки, колчаны, красные русские щиты.

Чтобы не было тесноты в пути, войско двинулось тремя дорогами: одна рать пошла на Серпухов, другая — к Старой Кашире, третья — к селу Брашеву, где был перевоз через Москва-реку.

Князю Дмитрию Ивановичу в то время было не более тридцати лет. Он был горяч и отважен в бою и крепко верил в успех предстоящей битвы. Отчасти поэтому взял он с собою в поход десять гостей-сурожан — купцов, торговавших шелком с крымским городом Сурожем (Судакком), которым в XIII веке завладели генуэзцы.

Тип русского воина.
(1300—1500 годы.)

«Пусть поведают в дальних землях о том, что случится», сказал князь Дмитрий. Но сурожане, хорошо знавшие степь, были полезны и как проводники.

А впереди русского войска давно уже выслеживали татар и приглядывались к местности два сильных сторожевых отряда. Дмитрий послал их «под самую орду Мамаеву» добывать вестей. Вести же были такие, что Мамай не торопится, так как ждет прихода Ягайло, и тянет время до осени, когда поля на Руси будут убраны и орда сможет грабить крестьянский хлеб...

24 августа ополчение подошло к Коломне, где был назначен сбор всех русских сил. Здесь к Дмитрию неожиданно явилась помощь: пришли с дружинами двое князей Ольгердовичей, родные братья Ягайло, — Андрей, княживший в Пскове, и Дмитрий Брянский. Князья эти были одной веры с русскими; в свое время они бежали из Литовского княжества и теперь зависели от Москвы.

Был в войске Дмитрия и отважный воевода Боброк-Волынец, тот самый, который одержал

Гонец сообщает князю Дмитрию Ивановичу о приближении Мамаю с войском.

(Русская миниатюра начала XVI века.)

над волжскими булгарами большую победу. В те времена Москва привлекала к себе многих выходцев из разных княжеств, угнетаемых татарами и литвой.

Тем временем Ягайло в союзе со шведами и жмудинами пришел к Одоеву и стал на берегах Упы. Он ждал Олега Рязанского, но тот, прове-

дав о численности войск, собравшихся под рукою московского князя, медлил, не зная сам, на чью сторону ему стать.

26 августа, утром, войско выступило левым берегом Оки и, дойдя до устья реки Лопасни, остановилось. Здесь соединилось оно с серпуховскими полками. По преданию, всей рати было около ста пятидесяти тысяч. Такой могучей силы еще никогда не выставляла Русская земля.

От Лопасни рать двинулась прямо к Верхнему Дону, направляясь вдоль западных границ Рязанского княжества. Московский князь строго приказал ратникам не обижать жителей, чтобы и они не вредили войску, оставаясь в тылу.

— Кто идет по Рязанской земле, да не смеет ни к чему прикоснуться! — так сказал он.

Приблизившись к Дону, Дмитрий остановил полки у села Березуй.

Туда пришло множество пешего воинства: ремесленников, крестьян и торгового люда из разных городов русских и сел, находившихся поблизости. Летописец говорит: «Страшно было видеть эти толпы людей, идущих в поле против татар».

От пойманного татарина русские узнали, что Мамай недалеко, но подвигается медленно, так как ждет Олега и Ягайло; о близости же московской рати у него вестей нет.

Тогда собрались князья и воеводы, чтобы решить, где биться с врагом. Некоторые считали, что не надо переходить реку, оставляя у себя в тылу Литву и Рязань; в случае неудачи, говорили они, легче будет уйти восвояси.

Но Дмитрий сказал:

— Братья, лучше честная смерть, чем позорная жизнь. Перейдем за Дон и все там положим свои головы за братьев наших!

И Ольгердовичи его поддержали.

— Если перейдем на ту сторону, -- сказали они, — воины будут знать, что отступать и бежать некуда, что надо только победить или лечь костью.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

7 сентября, в пятницу, русское войско придвинулось к самому Дону и к речке Себенке. Дмитрий велел нарубить деревьев, наломать хвороста в окрестных дубравах и наводить мосты для пехоты. Конница же должна была перейти вброд.

Вскоре прискакал со своим отрядом разведчиков воевода Семен Мелик, только что бывший с передовыми татарскими всадниками.

— Мамай перешел Дон, стоит на Гусином броду, одна ночь пути между нами! — сказал он.

Хан спешил помешать русским перейти Дон до прихода Ягайло. А литва, жмудины и шведы уже шли от Одоева навстречу орде.

К ночи русские перешли Дон и расположились на лесистых холмах при впадении в него Непрядвы.

За холмами лежало огромное Куликово поле, пересеченное речкой Смолкой. За нею, на противоположных холмах, разбила свой стан орда Мамаю; она пришла ночью, но опоздала: русские уже перешли реку.

Окрестности Куликова поля были овражисты, покрыты кустарниками, рощами, лесными зарослями. На самом высоком месте поля — Красном холме — стоял шатер Мамаю, около него — шатры его военачальников: темников, мурз и воевод.

Ночью Дмитрий Иванович вместе с Бобро-

ком-Волынцем выехали на Куликово поле. В глубокой тишине слушали они, как гудит тысячами голосов татарский стан.

Тихо было в русском лагере.

Не многие спали в нем в эту ночь перед битвой, но и те, кто бодрствовал, молча ожидали наступления утра, когда решится судьба родной земли.

Татарский же стан рокотал, как море. Казалось, что несметные толпы народу сошлись на торжище, где продают и меняют пленников, волов и коней.

Уже звери сбегались, чуя поживу. Где-то выли волки и клектали хищные птицы. Тревожно кричали лебеди на Непрядве. Далеко было слышно, как скрипят телеги. Облако пара стояло над ордой...

БИТВА

Утро 8 сентября началось густым туманом. Мгла мешала видеть расположение враждебных ратей. Только трубы трубили с обеих сторон.

Часу в десятом туман начал редеть. Солнце осветило пять русских полков, выстроившихся перед битвой. Правым своим крылом они упирались в овраги и заросли речки Нижнего Дубяка, впадающей в Непрядву, а левым — в крутые берега Смолки. Почти всю пехоту выставили в «большой» (передовой) полк.

Ядром его были крестьяне и ремесленники, пришедшие сами, без зова князей, постоять за родную землю. Их-то и выслали вперед, чтобы они приняли на себя первый удар.

Шестой — конный запасный — полк под начальством Владимира Андреевича и Боброка-Во-

лынца укрылся в засаде. Он встал за левым крылом, в густой дубраве над речкой Смолкой. Князь Дмитрий выбрал это место очень удачно: отряд мог легко поддержать левое крыло, где было много новых, необученных воинов; кроме того, он прикрывал обозы, а также мосты, наведенные через Дон.

Князя и воеводы сказали Дмитрию:

— Тебе следует стоять в стороне и смотреть на битву. Если же тебя лишимся, то станем, как стадо без пастуха: придут волки и распугают нас.

Но князь ответил:

— Если я вам глава, то впереди вас хочу и битву начать. Умру или жив буду, но вместе с вами!

Тогда приближенный князя, боярин Михаил Брянок, надел на себя золототканый плащ Дмитрия и поехал к своим воинам, а за ним повезли черное великокняжеское знамя. Князя же покрыли простым плащом и пересадили на другого коня.

Около одиннадцати часов утра русские двинулись на орду.

Ревели натянутые ветром стяги, и веяли, словно живые, знамена; в блеске доспехов полки колыхались, как тяжелые волны; земля стонала от множества воинов; гребни их шлемов рдели, как жар.

Рать быстро спустилась с холма в лощину, откуда вытекала речка Смолка, и стала «на поле чистом, на месте твердом». В татарском стане было время обеда. Враг не ожидал такой смелой атаки и поспешил выступить, побросав свои котлы.

Обе великие рати начали сходиться в лощине. Русские войска с их красными щитами и

светлыми доспехами сверкали на солнце. Татарские же походили на грозовую тучу: они шли сплошной массой серых кафтанов и черных щитов.

Передовой татарский полк также состоял из пехоты; это были главным образом геноуэзцы. Он двигался густою колонной; при этом воины задних рядов клали свои более длинные копья на плечи передним. Затем обе рати остановились: стена против стены.

Из полков выехали единоборцы: со стороны русских — инок Пересвет и от татарского войска — великан Челубей. Они ударили друг друга копьями, и оба упали с коней мертвыми.

Тогда Дмитрий сказал:

— Уже гости наши близко! Пришло время нам пить чаши!

И началась битва. Мамай следил за нею с Красного холма...

Русский народ в своих сказаниях об этой великой сече сохранил о ней память в торжественных словах:

«На поле Куликовом, между Доном и Мечю, сошлись сильные полки; кровавые ручьи вытекли из них; от блеска мечей и сабель затрепетали синие молнии, и треск множества копий раздался, как гром...

Полилась на кованые седла кровь, засверкали булатные сабли около голов богатырских, покатались золоченые шлемы на землю, и пали коням под копыта головы многих богатырей...»

Казалось, вой урагана несея над полем. Но то был не ветер, а «гремучие» татарские стрелы: наконечники их, нарочно просверленные, издавали в полете угрожающий свист.

Скоро воинам стало тесно. Ратники задыхались, а расступиться им было негде.

«Копья ломались, как солома, — говорит русская летопись, — пыль закрывала солнце, дождем падали стрелы».

Князь Дмитрий бился, как рядовой воин, и поразил насмерть ханского племянника Тулунбега. Ни на чьей стороне не было перевеса. Русские одолевали в одном месте, татары — в другом.

Но вот пешая русская рать полегла, «как сено, посеченная, как деревья, сломившись». Татары стали напирать на главные силы — на полки московский, суздальский и владимирский. Они прорвались к большому черному знамени московского князя, которое возили за переодетым Михаилом Брянком, подсекли древко знамени и убили самого Брянка. Но русские воеводы успели снова сомкнуть «большой» полк.

Дмитрий поставил свои войска так, что татары не могли охватить их ни с какой стороны. Им оставалось только прорвать русский строй и тогда уже напасть с тыла. Не добившись успеха в центре, они бросили запасную тяжелую конницу на левое крыло.

Оно стало подаваться назад, и над центром нависла угроза быть обойденным с фланга и тыла. Все русское войско было бы тогда отрезано от Дона и прижато к Непрядве.

Татары знали, что левое крыло слабее, и направили туда свой главный удар.

Между тем засадный полк продолжал стоять в дубраве и не вступал в битву. С бьющимися сердцами следили воины Владимира Андреевича и Боброка-Волынца, как бились с врагом «за свою великую обиду» русские удальцы.

Затаив дыхание, дожидались своего часа спрятанные в засаде люди. Некоторые из них, чтобы лучше видеть, взобрались на деревья.

Было слышно, как ветка хрустит под конским копытом и сухой лист, шурша, падает на седло.

Сквозь поредевшую листву жадно смотрели воины на Куликово поле. Низко опускали они головы, когда татары крючьями стаскивали их братьев с коней на землю и пробивали красные щиты копьями; радостно вздыхали, когда катились на траву вражеские шлемы и начинали гулять русские сабли по «синим плешам» — по бритым татарским головам...

— Какая польза от нашего стояния? — стали ворчать наиболее нетерпеливые. — Кому мы станем помогать, когда все изрублены будут наши полки?!

— Подождите еще немного! — сдерживал их Боброк. — Будет еще вам с кем пить и веселиться!

А жестокая битва длилась уже около двух часов.

Стоило огромных усилий смотреть на нее и оставаться в бездействии. Врагу еще помогало то, что солнце ударяло русским в глаза и ветер дул им в лицо.

Уже на сторону татар склонялась победа. Уже раздавались их веселые гортанные клики...

Но вот солнце переместилось в небе, и в другую сторону потянул ветер. В то же время расстроенное левое крыло русских и теснившая его татарская рать поровнялись с местом, где стояла засада.

— Теперь наше время! — воскликнул Боброк и вытащил меч из ножен.

Запела труба. И, как соколы на журавлиную стаю, ринулись русские на татар.

Предание говорит, что Боброк, выводя своих людей, предостерегающе заметил:

Куликовская битва. (С картины XVIII века, приписываемой художнику Матвееву.)

Менделеев, А.А. Кулешова

— Это вам не московские ваши сладкие ме-
ды и великие места!

Слова его означали, что теперь не время спорить за честь и место, как это бывает на пирах боярских. Надо забыть обо всех обидах и спасти родину от врага...

И засадный полк, придя на помощь главной рати, добыл победу в течение часа. Орда, не ожидавшая натиска, дрогнула и под напором всего русского войска стала отходить.

На спуске с Красного холма, допытывшись уже до своих таборов, татары, подкрепленные дружинниками самого Мамайя, остановились было и снова завязали бой. Но русские сбили их с поля и начали с флангов охватывать противника.

Тогда закричали татары:

— Горе нам! Они оставили самых удалых людей в засаде! Наши же руки ослабели, и колени оцепенели, и кони наши утомлены. Кто может против них устоять? Горе тебе, великий Мамай! Всех нас погубил ты напрасно!

Орда обратилась в бегство. Загрохотали телеги. С ревом помчались волы и верблюды. Мамай, его мурзы и остатки дружины на свежих конях бросились в степь...

К вечеру более сорока километров, до реки Красивой Мечи, было устлано татарскими трупами. Русские преследовали врага до ночи. Много татар погибло при переправе, и лишь немногие из них выбрались на другой берег реки.

Враг был разбит. Были разгромлены все его наемные отряды. Узнав о поражении Мамайя, бежали «не путем, не дорогою» и Ягайло со своими шведами и жмудинами и рязанский князь Олег.

Тем временем князь Владимир Андреевич «стал на костях» — так говорилось встарину о победителе, занимавшем поле сражения.

На месте побоища победно трубили трубы. Развевалось черное великокняжеское знамя.

Со всех сторон съезжались к нему русские воеводы и князья.

Самого же Дмитрия нигде не было видно. Долго искали князя, но поиски были тщетны. Наконец два костромских воина, Сабуров и Хлопищев, нашли его. Без памяти лежал Дмитрий под срубленным деревом, накрытый листвою. Доспехи князя были иссечены, но крепкие шлем и броня спасли его от глубоких ран.

Семь дней провели победители на Куликовом поле, хороня убитых героев в братских могилах. Семь дней стучали топоры в окрестных дубравах: многие воины мастерили гробы-колоды, чтобы увезти своих павших товарищей и предать их тела родной земле...

Русская рать возвращалась со славой и богатой добычей. Сто сорок лет тяжкого гнета были сброшены великим народом в течение одного дня.

Крестьянские парни, девушки и ветхие старики стояли по обочинам дорог и низко кланялись славному войску. Народ спокойно сvez с полей урожай, на который недавно зарились чужеземцы. Весть о победе летела по землям. Неслись над свободною от врага Русью легкие быстрые облака...

По народному сказанию, татары после проигранной ими битвы стали говорить:

— Уже нам, братья, в Русь войной не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать.

И хотя они еще целых сто лет «хаживали»

на Русь и «прашивали» у русских людей «дани-выходы», но уже не могли угнетать их попрежнему и боялись встречи с ними в открытом бою.

Не пытались больше скрестить оружие с русскими и генуэзцы. В том же, 1380 году, по видимому, за участие в Куликовской битве золотоордынский хан закрепил за ними все крымское побережье. И хотя плата наемникам оказалась высокой, они, вспоминая об этом походе, называли его «несчастнейшей войной»...

Благодарный народ назвал князя Дмитрия — Донским и Владимира Серпуховского — Храбрым. Эти князья совершили подвиг, нанеся страшный удар могуществу Золотой Орды.

Все народы, подвластные татарским ханам, воспрянули духом после Куликовской победы.

И плоды ее вскоре сказались.

Великий русский народ твердо понял, что его сила — в единстве, и неудержимо потянулся к избавительнице от чужеземного гнета — Москве.